

«Время сейчас всё высвечивает по-новому...»

Макарычев М., беседовала Даренская М.

Гость XV Чеховского книжного фестиваля Максим Макарычев, журналист-международник и писатель, обозреватель «Российской газеты» известен читателям по книгам из серии «ЖЗЛ» о Фиделе Кастро и хоккеистах Валерии Харламове и Александре Мальцеве. Он согласился немного рассказать читателям «Таганрогской правды» о своих героях и творчестве.

– Вы и журналист, и писатель. Есть ли грань между этими занятиями?

– Когда ты пишешь книги об известных личностях, как правило, основываешься на различных документальных свидетельствах, и это ближе к публицистике. Когда ты начинаешь затрагивать художественное начало, естественно, должен прибегать к поэтическим, лирическим нотам. В писательском деле сложнее всего переход от публицистики к художественному осмыслению. Любая писательская деятельность должна основываться на определенной фактуре. Так я писал книги о Фиделе Кастро, о Мальцеве, о Харламове: в основе лежит фактура, не важно, архивная или основанная на диалогах с людьми, которые лично знали моих героев. В документальной части ты ничего не переосмысливаешь дополнительно, просто добавляешь нужные акценты в повествование. Из того, что мне рассказывали их друзья и близкие, в какой-то степени выходили подобию маленьких законченных произведений: я получал субъективный, но портрет своего реального персонажа.

– Максим Александрович, вы любите своих героев?

– Сейчас пишу эпопею - «Не рви мне душу, Дон». Почему у Шолохова роман признан одним из величайших? У него нет героев плохих или хороших. Он описывает действующих лиц, не награждая их эпитетами, он наблюдает. Но очень трудно соблюсти эту грань. Мою бабушку угоняли фашисты. И я не могу относиться нейтрально к некоторым персонажам своей книги, к тем, что присягнули Гитлеру. Казалось бы, генерал Петр Краснов одно время наладил жизнь в Новочеркасске, после того как стал атаманом: в голодающем городе появился хлеб, он боролся с бандами, терзающими мирное население, но позже дал присягу фашистам. И как я могу к нему относиться? Бабушка никогда не рассказывала, что испытала в плену (она называла меня «сыночек». «Сыночек, я не хочу вспоминать. Для меня это тяжело, когда-нибудь поймешь...»). И я не могу спокойно относиться к тем, кто сделал подобный осознанный выбор, ведущий к предательству своего народа. Это – тонкая грань. Но читатель делает свой выбор сам, понимает, что скрывается за определенными действиями и поступками. В художественной прозе ты не должен выносить приговор своим героям. Это дело читателя.

Еще документальная книга позволяет делать сноски, а в художественных такого не бывает. В эпопее «Не рви мне душу, Дон» приказы ВЧК или Войска донского просто привожу в документальном виде, и они говорят больше, чем любые слова автора. По большому счету, я чувствую, что не вправе, я тогда не жил, воочию происходящего не видел, могу опираться лишь на разрозненные свидетельства. И поэтому не могу отправлять читателя в некое субъективное начало. И, конечно, понимаю – диалоги в книгах Михаила Шолохова никто не перебьет в смысле надрыва, их исповедальности.

Для меня такая подача многое значит. Вышло так, что мне ближе творчество Лермонтова, чем Пушкина, ближе Достоевский, чем Толстой. Там звучит надрыв, и это жесточайший крест. Высоцкий, Есенин, Маяковский выкладываются в каждом своем тексте полностью, но, увы, неминуемо приходят к психологическому истощению, к трагическому

разладу с действительностью. Раньше разлад чаще всего носил идеологический характер, теперь в большинстве, как не дико – на почве денег. Вдова французского президента Франсуа Миттерана сказала как-то о моем герое Фиделе Кастро: «Я его уважала очень сильно: он боролся с тем, что нас столетиями поработало – с диктатурой денег, и он побеждал». Фидель дал миру понять: человек человеку не волк, он брат. Друг, брат, товарищ. Чувство солидарности – самое главное, что привил кубинцам команданте: вот что выяснилось, когда я с ними общался. Помогите другу, незнакомцу, это правильно в медицине, в образовании – во всех сферах.

– Мы в России это утратили?

– Всё возвращается. О Москве не скажу. Когда искал художников для своей новой книги, просили немалые деньги. А потом обратился к старому товарищу в Новочеркасске, и в результате многие люди помогли бескорыстно и с оформлением обложки, и с рисунками на тему казачества. «Солидаритэ» (solidarite) – прекрасная основа отношений, товарно-денежные связи не сравнятся с товариществом, братством, взаимовыручкой. Я много лет проработал в Ростове и знаю, что такое товарищество на Дону. Хотя оно в чем-то жесткое, своеобразное, с особым характером.

– Ваши герои – ярко выраженные лидеры. Они чем-то похожи между собой?

В предисловии к книге о Харламове я привожу слова «Они сражались за Родину». И это лейтмотив книги. Хоккеисты – мужики с крепко выраженным началом, бились за славу родной страны. Их любили, на трибунах за них болели по-настоящему. У них не было миллионов долларов, но были миллионы поклонников. Им предлагали контракты за немыслимые деньги за рубежом. По соображениям дипломатического плана хоккеисты не грубили в ответ, но и помыслить не могли о предательстве. По популярности с Харламовым в годы его игры мог сравниться только Пеле. Рост сравнительно невысокий – 1 метр 73 см. В канадской команде, например, играли высоченные здоровяки, и играли нечестно. Тренер Анатолий Тарасов даже специальные упражнения разработал – хоккеисты с пригорка разбегались и били плечом о дуб (без коры). Или танцевали с 20-килограммовыми «блинами» от штанги, чтобы в будущем противостоять канадцам. Наши не были готовы к тому, что в матче в решающий момент могут подло «припечатать» у борта ледовой арены или рубануть по ногам клюшкой.

Если у человека выражено мужское начало - в политике, спорте, это видно. У Фиделя, у Мальцева, Харламова – это и сила, и лидерство. Здесь и уважение к женщине, и четкие принципиальные позиции, из всего этого неминуемо складывается яркая харизматичность, притягательность. Конечно, многое закладывается в семье, еще при воспитании. В основе своей мои герои хорошо представляли свои цели. А если знаешь, можешь добиться чего хочешь, пройти любой тернистый путь наперекор обстоятельствам.

– Как относится к вашим книгам молодежь?

– Вопросы о героях этих книг чаще задают люди моего возраста. Современная молодежь другая. Много времени и внимания их занимают гаджеты, быстро мелькающая в сетях информация. Тем не менее, на встречах я вижу их интерес. И доношу простую мысль: довольствуйся поначалу малым. Если ты поставил цель, всё у тебя будет. Я поневоле учусь у своих героев. Препяды бывают объективные, например, здоровье... Остальные вполне преодолимы.

– Как много вы занимаетесь творчеством? Остается ли время на что-то другое?

– Сейчас мне нужно написать 2200 страниц эпопеи, я вижу первый и последний абзац. Моя книга закончится так: «И несет свои воды Дон. И будет нести еще столетия.» Предстоит написать пять томов, одновременно я работаю журналистом. Непростая задача с публицистики переключаться на художественную литературу и обратно. Важно передать некие вехи истории и характер каждого героя. Сейчас я занят написанием третьего тома. Есть определенные сложности в восприятии исторических реалий на Дону: один из читателей «за красных», другой «за белых». Всем не угодишь.

А вот за Фиделя меня никто не упрекнул: сказалось доскональное следование фактам, документам. Я до сих пор дружу с личной переводчицей Че Гевары, выглядит она гораздо моложе своих лет. Ирина Васильевна даже нарисовала мне в подарок натюрморт в благодарность за написанную книгу. Она показывала фотографии, где они рыбачили на яхте с Фиделем Кастро, и рассказывала, как Че Гевара звал ее по утрам пить кофе, стуча в стену, – они жили по соседству. Все, кто соприкоснулись с этими легендарными личностями, и сами становятся носителями прекрасной легенды о солидарности и справедливости...

– На творческих встречах чувствуется, доверяют ли вам читатели?

– Если взять писательское искусство, легко видно кто из авторов любит Родину, где между строк – настоящий, а не пафосный патриотизм. Читателей не обманешь. Книги будущей эпопеи «Не рви мне душу, Дон» основаны на реальных событиях. И хотя будут присутствовать элементы авторского вымысла, поскольку я воспитывался на Дону, учился в Ростовском государственном университете (очень благодарен этим стенам), обычно очень много внимания уделяю достоверности...

Время сейчас такое, что всё высвечивает по-новому. Плохое становится совсем плохим, а хорошее кристаллизуется в своих лучших проявлениях. Я надеюсь, что в литературе и в искусстве будет так же.

ЦГТБ имени А.П. Чехова